

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Соотношение проблем национальной, региональной и международной безопасности – очень важный в теоретическом плане вопрос. Как отмечает российский исследователь Т. В. Юрьева, «представления о путях согласования национальных интересов государств – суть концепций региональной, международной, глобальной безопасности, хотя только согласованием национальных интересов государств эти проблемы не исчерпываются. Совпадение национальных интересов группы государств порождает разного рода региональные и международные союзы, руководствующиеся опять-таки определенными представлениями (концепциями) о путях согласования и отстаивания своих групповых интересов как в отношениях между собой, так и в отношениях с третьими странами» [1].

На современном этапе в сфере безопасности произошли изменения принципиального характера, касающиеся не только путей и средств обеспечения безопасности в мире, но и сути самого понятия, что не может не отражаться на формировании и реализации национальных интересов России. Прозрачность межгосударственных границ, связанная с расширением глобализации, изменила прежние представления о национальной безопасности; подходы к признакам государственности; международным конфликтам и способам их урегулирования; формам дипломатии и другим основополагающим вопросам традиционных исследований международных отношений. Но главное в том, что она разрушила существовавшие до недавнего времени жесткие барьеры между внешней и внутренней политикой. Так, в области безопасности непосредственная угроза одного или нескольких государств в отношении другого или нескольких других перестала быть основной – в любой точке мира возможны проявления терроризма, национализма, сепаратизма и т. п. Аналогично межгосударственные конфликты могут трансформироваться во внутригосударственные. Новые конфликты требуют иных подходов к их анализу и урегулированию.

С позиций теории баланса угроз одно из государств (или коалиция государств) угрожает другим в случае его географической близости, его наступательной способности и агрессивности его намерений. При этом важное значение имеют не столько декларации и даже не реальные намерения государств или их союзов, воспринимаемые другими государствами или союзами как угрожающие их интересам, сколько восприятие их действий в качестве таковых. Используя теорию баланса угроз, мы можем понять те события, которые нельзя объяснить, сосредоточивая внимание только на распределении совместных возможностей [2].

Национальная безопасность – это один из главных компонентов международной безопасности, когда речь идет о конкретном обществе и государстве в контексте выявления угроз их стабильному развитию. Понятие «национальная безопасность России» стало во многом эквивалентно понятию «безопасность российского социума». Подход к национальной безопасности как к сложной, функционально многоуровневой системе реализован в федеральном законе «О безопасности», в котором говорится о взаимодействии интересов личности, общества, государства в противодействии внутренним и внешним угрозам этим интересам, о сочетании внешней и внутренней безопасности, о неразрывной связи всех сфер национальной безопасности (военной, экономической, социально-политической, экологической, информационной и др.) [3].

В этой связи хотелось бы еще раз подчеркнуть, что общечеловеческих ценностей не существует в природе. По мнению Э. А. Позднякова, то, что подразумевается под ними, есть на самом деле ценности и интересы западной цивилизации, выдаваемые за общечеловеческие [4]. Эту же мысль подтверждает и известный английский ученый К. Коукер; он, в частности, пишет: «Вера в то, что общественные ценности не должны меняться – очевидный симптом неспособности общества ответить на требования современной эпохи» [5].

Для подавляющего большинства государств современного мира на первом месте стоят собственные национальные интересы, связанные с обеспечением безопасности и самосохранением нации, народа, а «общечеловеческие» их интересуют постольку, поскольку следуют в русле собственных интересов и способствуют сближению с другими странами. С этим вынужден согласить-

ся даже один из основных теоретиков и пропагандистов глобализации М. Кастельс, который отмечает: «...пока существуют национальные государства и национальные правительства, которые активно пользуются экономической конкуренцией как инструментом политической стратегии, будут существовать границы между важнейшими экономическими регионами, создающие систему региональной дифференциации внутри глобальной экономики» [6].

Соответственно, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации важнейшей задачей внутренней и внешней политики, в качестве ядра всей системы национальных интересов рассматривается обеспечение безопасности и процветание многонационального российского народа, все же остальные стратегические и тактические цели и задачи носят подчиненный характер.

Россия сегодня уже не просто периферия мировой политики, как это было еще в 1990-е гг., а центральное пространство между Дальним Востоком, Европой и мусульманским миром. Одновременно она является безусловным центром притяжения постсоветских стран и образует ось новой перегруппировки государств и народов, в географическом смысле не образующих единый регион. По этой причине для России актуально не просто поддержание военной безопасности, а приоритет безопасности во всех ее аспектах: глобальном, региональном, политическом, национальном, информационном, а также экономическом, социальном и экологическом. Соответственно, альтернативы выбора первоочередных задач не существует: или глобальная внешняя политика как главный ориентир, или кардинальные реформы внутри страны. Очевидно, что для осуществления последних нет необходимости минимизировать внешнеполитическую активность. Эти стратегические направления вполне совместимы и более того – могут удачно дополнять друг друга. Как нам представляется, главная задача российских внешнеполитических служб состоит в том, чтобы обеспечить гарантии геополитической стабильности и безопасности, чтобы решить задачи, связанные с формированием и укреплением новой социально-экономической и политико-правовой системы.

Примечания

1. Юрьева Т. В. История международных отношений (1975–1991). М., 2006.
2. Walt S.M. The Origins of Alliances. Cornell University, Ithaca, 1987, 1990. P. 28.

3. О безопасности : федер. закон от 5 марта 1992 г. № 446-1.
4. Поздняков Э. А. Политика и нравственность. М., 1995. С. 20–26.
5. Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 206.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / науч. ред. Шкаратан О. И. М., 2000. С. 110.

УБЕЕВА О. А.

ГОРОДСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ БУРЯТИИ 20-Х ГГ. XX В.

Целенаправленные политические и экономические преобразования в стране отразились коренным образом на перестройке социальной структуры общества, которые вели к серьезным изменениям численности, внутреннего состава всех основных слоев городского населения, трансформации всей городской структуры в новое качество – социалистическое, что и являлось важнейшей задачей государственной стратегии, проводимой коммунистической партией и правительством. Переписи 1920-х гг. и другие документальные материалы позволяют зафиксировать динамику этих перемен.

Статистический материал в переписях 1920-х гг. систематизировался по следующим социальным категориям: рабочие, служащие, прислуга, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими, хозяева, использующие труд членов семей, хозяева-одиночки, безработные, деклассированные. В каждой из названных категорий выделялись еще более мелкие группы по профессиям, положению в занятии, занимаемой социальной нише в сфере общественного производства. Подобная дробность социально-профессионального состава не способствовала выявлению четкой социально-классовой структурированности городского населения, но в то же время данные позволяют отследить и провести группировку сведений именно по классовому признаку, т. е. по отношению к средствам производства, роли в общественной организации труда, способу получения и размеру получаемого дохода. По этим признакам определялись основные элементы социальной структуры городского населения Бурятии.

Городское население в современных территориальных границах Республики Бурятия проживало в Верхнеудинске (г. Улан-Удэ) и рабочем поселке Нижняя Березовка, Троицкосавске